

Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт» - Публицистика

Номинация «Публицистика» 2018

[Попова Антонина Анатольевна](#) (персональный номер участника - 108)

[Гущин Алексей Витальевич](#) (100)

[Рабинович Иосиф Исаакович](#) (35)

[Багирова Ляман Сархаловна](#) (4)

[Бобылев Дмитрий Викторович](#) (102)

1 место и звание лауреата – **Попова Антонина Анатольевна**. Родилась в Магаданской области. Окончила Краснодарский Государственный институт культуры. Исследователь творчества донских поэтов. Член редколлегии и постоянный автор газеты «Донской писатель». Член Союза писателей России. Публицист. Живёт в Ростове-на-Дону.

Эх, Андрюша...

Вязьма. Брожу по тенистым аллеям Екатерининского кладбища. ...Земля, политая кровью шестисот тысяч советских воинов. Земля, многие годы таившая от нас правду о подвиге дончан. Покой этого священного места, его тишина навевают мысли о прошлом. Здесь сражались и гибли мои земляки.

Братские могилы. Читаю надписи: «к-ц», «л-т», «м-ра», «ст. л-т»... Как много неизвестных бойцов! Это их родственники получили извещения о том, что «Ваш сын (муж, брат, отец) пропал без вести...». Лишь изредка появляются полные имена. И хочется, чтобы стало больше известных, чтобы вернули семьям погибших хорошие имена их родных. Ведь те, о ком вместо похоронки приходило такое известие, многие годы были в сомнительном положении. Например, их детям не платили пособие по потере кормильца.

Наконец-то! Нахожу плиту с высеченными именами: к-ц Фомин П.Ф., ст.п-к Бусыгин А. И., ст.п-к Штительман М.Е., ст.п-к Кац Г.М., пол-к Гридов Г.Б., л-т Кудым Ф. В.

Нехотя земля возвращает нам память о героях. Как же необходимо сохранить эту память, «вспомнить всех поименно». И не важно, сколько лет пройдет. Необходимо это прежде всего нам самим.

77 лет минуло со времени боёв под Вязьмой. А сколько же ещё времени должно пройти, чтобы мы смогли узнать всю правду, осознать и по-новому взглянуть на историю Великой Отечественной войны?

Лишь в девяностые годы прошлого века, благодаря поисковикам клуба «Память-Поиск», были восстановлены имена героев-красноармейцев и честное имя 19-й армии, прекратившей своё существование после Вяземского котла.

Газета Первой Конной Армии «Красный кавалерист» со временем стала печатным органом Северо-Кавказского военного округа. Именно на её базе в 1941 году в Ростове-на-Дону было сформировано две редакции фронтовых армейских газет: «За Родину!» (56-й армии) и «К Победе!» 19-й армии.

Именно о газете «К победе!», о 19-й армии, её героях хочется вспомнить. Пожалуй, это был единственный случай, когда редакционный коллектив состоял из писателей и журналистов, связанных совместной работой в ростовской писательской организации, в печатных органах одного города. Многолетняя творческая дружба в июне 1941 года дополнилась боевым содружеством.

13 мая 1941 года в район города Белая Церковь были отправлены эшелоны 19-й армии из Ростова на учения. Туда же отправились военные журналисты ростовчане Борис Стугач, Виктор Гунин, Григорий Кац. В их обязанности входило издание боевого листка «Красный кавалерист на манёврах». Первый его номер вышел уже в поезде. В течение полутора месяцев журналисты выезжали в части, освещали ход учений. Каждый номер предваряли стихи Г. Каца. А потом началась война. Боевой листок поменял тональность и тематику. Но по-прежнему в нём печатались стихи Каца. Одно из них называлось «К победе»:

*Тупой сапог фашистского солдата
Проходит в ночь, дорогами пыли,
Но близок час, близка за всё расплата, -
Обиды не снесёт советская земля.
Мы любим жизнь, нам страх слепой неведом,
Жить – это значит побеждать.
Нас матери родные ждут с победой.
Кто может обмануть родную мать?
(Г. Кац, 1941)*

25 июня 1941 года, 46-й номер газеты «Красный кавалерист на манёврах» вышел уже под названием «К победе!». Возможно, именно стихотворение Г. Каца послужило поводом для нового титула.

К приезду в конце июня журналистского и писательского пополнения регулярный выпуск армейской газеты был уже налажен. Прибывшие в редакцию новички сразу вступали в бой. Этим военкорам предстояло стать легендой, так же, как легендой стала и сама 19-я армия – участница одной из самых страшных катастроф Великой Отечественной войны: она героически сражалась в Вяземском «котле», в который попали советские войска в ходе организованной фашистами операции «Тайфун».

Ведя бои в окружении, 19-я армия сковала значительную часть немецко-фашистских войск, предназначенных для преследования разбитых сил наших Западного и Резервного фронтов и развития наступления. Красная Армия понесла огромные потери.

Из 20-ти служивших в редакции армейской газеты журналистов в живых остались лишь шестеро: Анатолий Софронов, Илья Котенко, Андрей Гвоздев, Георгий Осокин, Александр Оленич-Гнененко, Виктор Гунин, ставший впоследствии главным редактором «Красного знамени» (в

прошлом – «Красного кавалериста», а ныне – «Военного вестника Юга России»).

Об одном из героев Вяземской битвы – Григории Борисовиче Гридове-Давидовиче (1899-1941) – хочется рассказать подробнее.

За двадцатилетний творческий путь поэт написал тексты к более ста песням, которые мы поём вместе с К. Шульженко, Л. Утесовым, И. Юрьевой не один десяток лет. Шесть песен на слова Г. Гридова были в репертуаре К. И. Шульженко. Она не только исполняла его песни, но и передавала написанные им тексты композиторам, привлекала поэта к созданию текстов на уже готовую музыку.

Фронтвые агитбригады, в составе которых были известные советские исполнители, обязательно включали в свой репертуар песни Г. Гридова: «Мама», «Дядя Ваня», «Возвращение» (Иду по знакомой дорожке), «Родная сторона», «Поднимайся, великий народ!», «Петлицы голубые», «Часы пока идут». Однако, моё обращение в Комитет по охране авторских прав за списком этих песен, не дало результатов – я получила отказ: «К сожалению, мы не располагаем сведениями о данном авторе»...

Когда началась Великая Отечественная война, Григорий Гридов вместе со всеми ростовскими писателями пришел к редакции «Красного кавалериста», чтобы отправиться на передовую. Однако он не сразу попал на фронт. Этому предшествовали его настойчивые просьбы, т.к. его отказывались призывать: ему было 42 года, у него было больное сердце, он был старше многих товарищей по перу.

Параллельно с упорными походами в военкомат, Григорий Борисович работал в театре им. Горького, где ставилась пьеса «Фельдмаршал Кутузов», к которой ему поручили создать финальную интермедию, должную на высокой волне патриотических чувств завершить спектакль. С поставленной задачей поэт справился. В сотрудничестве с композитором Борисом Фоминым он написал песню «И не раз, и не два». Премьера спектакля состоялась 12 июля. Но популярной песня стала еще до неё. Точно отвечая острому моменту дня, ярко продолжая традиции русских строевых маршей, она была и призывом к Победе, и клятвой.

Спектакль шёл всю войну не только в Ростове, но и во многих городах СССР. О его успехе неоднократно сообщали центральные газеты.

В 1948 г. композитор Борис Фомин писал: «Всю войну я провел в Москве; уезжал только на фронт. Я был один из основателей и музыкальным руководителем театра «Ястребок», созданного в начале войны и бесценно игравшего в Москве в суровые 1941-1942 годы. Первой военной песней, прозвучавшей в Москве, была песня «И не раз и не два», написанная мной 25 июня 1941 года на слова Григория Гридова, ушедшего в ополчение и погибшего на фронте». 1 июля Ленинградский Музгиз уже подписал песню в печать тиражом 100 тыс. экземпляров. Она была опубликована на листовках, тираж которых разошелся молниеносно. За год песня вышла в 12 изданиях. Ее перевели на узбекский, туркменский и киргизский языки. С 5 июля в Эрмитаже песню ежедневно пел в своей новой эстрадной программе Леонид Утесов. 21 августа студия звукозаписи записывала уже популярную песню «И не раз и не два» на пластинку. Ее исполнял оркестр и хор Наркомата обороны под управлением Семена Чернецкого. В качестве солистов пригласили певцов из Большого театра Соломона Хромченко и Петра Киричека. 7 октября «Вечерняя Москва» уже сообщала о выходе пластинки, тираж которой направлялся в клубы и воинские части.

И не раз, и не два

*На родных полях завывли ураганы,
Тучи легли над самою землей.
Огневьм дождем встречать гостей незваных
Пробил час, товарищ боевой!*

*Мы не раз и не два недруга учили
Обходить стороной русские луга.
И не раз, и не два мы в поход ходили,
И не раз, и не два били мы врага!!*

Эта песня стала первой песней Великой Отечественной войны, которая прозвучала на Всесоюзном радио и стала гимном освобождения Москвы в 1941 году.

На фронт Гридов всё же попал. 15 сентября он был призван Кировским военкоматом города Ростова-на-Дону, а 21 сентября приехал в редакцию газеты вместе с батальонным комиссаром Гутиным накануне фашистского наступления на Вязьму. «Ладный, подтянутый, стройный – ему очень шла военная форма. Он шутил, смеялся и еще не знал, что назавтра нас ожидает страшный кровопролитный бой, который разлучил всех нас... – вспоминал редактор газеты «К победе» А.Л. Гвоздев, – в том последнем бою, у Бабьих Гор, у нас уже не было ни орудий, ни танков. Генерал Лукин повёл нас в пешем строю на прорыв. Помню, как Гридов крепко сжал в руках новенький пистолет ТТ и, озорно улыбнувшись, подмигнул мне, сказав словами своей песни: «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали?!...».

В Вяземской битве вблизи деревни Бабьи Горы пали смертью храбрых сотрудники фронтовой газеты «К победе!», в том числе интендант 3-го ранга, политрук, Григорий Борисович Гридов-Давидович. Узнав о гибели своего товарища «по перу и штыку», поэт Николай Доризо написал стихотворение «Памяти погибшего за Родину поэта-ростовчанина Григория Гридова:

* * *

*Сгибается,
    Качается
Черешня под окном,
Колхозные красавицы
Сидят в саду кружком.
На белом подоконнике
Весенний клейкий лист,
Играет на гармонике
Армейский гармонист.
А сердце грустью ранено,
В моих глазах тоска:*

*Я вспомнил ростовчанина,
Поэта-земляка.
Того, кем песня сложена,
Не песня, а огонь,
Того, чьё сердце вложено
В певучую гармонь.
Всё то, что долгом велено,
Свершил он как солдат,
Но песня не расстреляна,
Но песне нет преград,
Она всегда скиталица,
Она везде в гостях,
Вовек ей не состариться
На молодых губах.
Немало песней пройдено
От Волги до Карпат...
И вот к себе на родину
Она пришла назад.
...На белом подоконнике
Весенний клейкий лист,
Играй же на гармонике,
Армейский гармонист!
(Н. Доризо, 1945)*

Прошли десятилетия, но жизнь поэтов-фронтовиков продолжается. В их биографиях, ставших легендами; в стихах, ставших летописями их борьбы.

2 место и звание лауреата – **Гущин Алексей Витальевич**. Родился в 1948 году в пос. Переборы Ярославской области. Окончил Калининградский технический институт. Научный сотрудник института океанологии РАН. Кандидат биологических наук. Восемь лет работал в Институте рыболовства Мавритании. Живёт в Калининграде.

Принцесса Алиса (история сахарской лисички – фенека)

Юная Принцесса вышла из дворца. Она была в нежно кремовой шубке, женственна, элегантна, ее движениям позавидовала бы любая балерина и профессиональная модель... Она была испугана, взволнована, но готова постоять за свою честь. Но, боже, как она была прекрасна! Встречающая публика была покорена в первую минуту, у всех в глазах был восторг и умиление. Рыжий король нашего дома мгновенно сложил свою корону к ее ногам и просто взвыл от восторга. Мы все стали обожающими подданными. Принцесса не представилась, но все мы уже знали ее имя - АЛИСА.

Так в нашем доме появилась Алиса, сахарская лисичка - фенек. Она вышла из немного помятой и пыльной коробки из-под итальянских спагетти. Алиса очень устала из-за дальней тряской дороги в темной жесткой коробке. Она была голодна и хотела пить. Маленькую Алису оторвали от ее дружного семейства, от мамы и папы, от братьев и сестер с которыми она играла у подножья высокой дюны в глубине Сахары. Всего – то Алисе было две недели от роду, но Алиса была мужественной и готова защищать себя, что и доказала, вцепившись зубами в мой палец, когда я попробовал взять ее на руки. Правда вот сил было мало, да и зубы были очень маленькие. Прокусить палец не удалось. Алиса пыталась убежать и спрятаться. Вырывалась, прижимала большие ушки и очень громко шипела. Вернее это был не шип, а нечто вроде «Кщц, Кщцц». Больше всего Алиса испугалась не нас, а нашего старого ирландского терьера – Гарика. Сам Гарик был покорен с первой секунды, его зеленые, отсвечивающие в полумраке, глаза светились восторгом. Он весь вытянулся в струнку, его нос трепетал от желания понюхать прекрасную Принцессу. В то же время он прекрасно понимал, что Алиса его очень боится, и не настаивал на своих притязаниях. Возможно именно Гарик, с его восторгом, вызвавшим просто ужас у Алисы, привел к тому, что мы очень быстро стали, ну, если не друзьями, такой фривольности Алиса не допустила, а просто чем-то более безопасным. Мои теплые руки давали маленькой лисичке какую – то гарантию защиты от рыжего и настойчивого воздыхателя.

Сахарская лисичка - **ФЕНЕК** (*Fennecus zerda*) - удивительная, миниатюрная лисичка живет в песчаных пустынях Северной Африки от Мавритании до Судана, встречается на Синайском полуострове, в южном Ираке, Кувейте и юго-восточной части Аравийского полуострова. Масса зверька всего 1,0 - 1,5 кг. Длина его тела не превышает 41 см, высота — 30 см, тогда как уши

достигают 15 см и более. Уши служат не только для слуха, но являются своеобразными радиаторами, позволяющими контролировать температуру тела. Шерсть очень нежная, сверху рыжевато-кремовая, палевая или почти белая, снизу почти белая или цвета взбитых сливок, кончик пушистого хвоста черный. Ноги имеют относительно широкие подошвы и покрыты жесткими волосами, что защищает от горячего песка и позволяет передвигаться по сыпучим пескам. Глаза крупные, темные. Фенек - маленький ночной хищник и поэтому день проводит в норе или в укрытии. Ночью фенеки очень активны, они ловят мелкую добычу на скалах и дюнах. Умеют высоко и далеко прыгать, что позволяет ловить птиц и ящериц, а в случае опасности могут быстро закопаться в песок. Огромные уши позволяют улавливать самый легкий шорох, производимый жертвами или хищниками. Долгое время могут обходиться без воды, ранним утром слизывают росу со скал. Очень любопытны, чем пользуются местные охотники, они добывают фенек ради шкурки, в некоторых местах используют в пищу. Живут фенеки семейными группами до 10 особей, возглавляемыми самцом. Самцы в период рождения и выкармливания в гнездовую камеру не допускаются, они охраняют семейство, помечают мочой территорию обитания. В период кормления обеспечивают пищу самку и детенышей. Молодежь покидает семью по достижению половой зрелости в 11 месяцев. В период гона самцы очень агрессивны и устраивают драки с соперниками. Фенеки предельно чистоплотны, устраивают «уборные» в определенных местах, мочу и фекалии закапывают. Иногда в одном месте обитает несколько родственных семей, и тогда образуется подземный городок из соединенных нор. Семьи имеют сложную социальную и иерархическую структуру. В неволе фенек хорошо адаптируется и живет 11-14 лет. Фенек занесен в международную «Красную книгу».

Появление Алисы в нашем доме имело простую историю. Я работал в Мавританском Институте Рыболовства и Океанографии в городе Консадо, расположенном на берегу Атлантического океана на полуострове Кап-Блан. Часть моей работы состояла в том, что каждый месяц на катамаране «Амрик» я и мои коллеги выходили на мелководные просторы залива Арген. Там среди бесчисленных мелей, островов, проливов, среди буйства тысяч птиц, на акватории Национального парка «Банка Арген» мы проводили изучение численности рыб, для которых эти места служат своеобразным детским садом. Естественно, после каждого такого рейса я возвращался полный впечатлений, которые вместе с фотографиями вызвали хорошую зависть и жажду приключений у моей жены и друзей. К сожалению, из-за отсутствия места на маленьком судне и определенного риска я не мог взять с собой в рейс свою дорогую путешественницу, которую затащил на этот край света. И вот в феврале, когда в пустыне достаточно прохладно и песчаные бури редки, я решил выполнить свое обещание – показать чудеса залива Арген. Вот только отправиться в путешествие мы решили не морем, а через пустыню на вездеходе. Мы стоворились со своими юными голландскими коллегами Ирмин и Сибе, наняли по совету друзей машину с хорошим шофером - проводником. Это было веселое и приятное путешествие. Мы быстро подружились с шофером Хамдину. Этот невысокий, сухопарый, белозубый, улыбчивый и благожелательный человек, похожий на старика Хоттабыча в юности, оказался прекрасным, знающим проводником и хорошим товарищем.

Далеко в пустыне, на берегу полуострова Ивик мы впервые лично столкнулись с сахарской лисичкой, следы которой часто видели рядом со своим домом в кампусе Института в Консадо.

Мы остановились в палатке - тенте на берегу глубокой протоки рядом с орнитологической станцией Национального парка «Банка Арген». К этому времени лед в сумке – холодильнике совсем растаял, что предвещало конец нашим запасам свежей баранины. Неунывающий Хамдину с улыбкой отменил наши опасения и сообщил, что он устроит для наших запасов «холодильник пустыни», как это делают номады сотни лет. Он порезал мясо на длинные тонкие ломти, предупредив, что для этой цели подходит только баранина. Мясные ленточки он повесил на крепление центрального столба тента и сказал, что в таком виде, мясо может храниться больше недели. Поужинав и напившись зеленого, приторно сладкого мавританского чая с мятой, умело приготовленного Хамдину,

утомленные дорогой и впечатлениями, мы вповалку улеглись спать.

То ли чай, то ли впечатления не давали мне заснуть, заставляя с завистью слушать сонное посапывание жены и друзей. Через открытый полог в палатку заглядывала огромная, желтая Луна, низко висящая над темным горизонтом. Начинаясь прилив, под аккомпанемент всплесков рыб в протоке журчала прибывающая вода, посвистывал ветерок, принося запах горящего древесного угля из поселка рыбаков- имрагенов Ивик. Иногда раздавалось сонное хлопанье крыльев и щелканье клювов пеликанов, расположившихся на той стороне протоки, а сон, как назло, не шел.

Вот тут я заметил в свете луны, проникающей в тент, крадущуюся тень - силуэт. Толкнув жену, я включил лежащий под рукой фонарик. В ярком луче мы увидели остренькую, любопытную, очаровательную мордочку с огромными настороженными ушами, изумрудом сверкнули большие глаза, секундная пауза - и чудесное видение исчезло. Жена громко ойкнула, разбудив Хамдину, Ирмин и Сибе. Посыпались вопросы. Хамдину осветил фонариком следы на песке у входа и со смехом сказал, что к нам приходила в гости поздороваться сахарская лисичка. Он отрезал несколько кусочков пряно пахнущего, подвяленного мяса и положил угощение для ночной гостьи снаружи на край тента. Моя жена Тамара заметила, что было бы очень приятно подержать такого зверька на руках. Хамдину молча кивнул. Утром на песке вокруг палатки мы увидели много следов, а угощение исчезло...

Потом было плаванье на парусной лодке рыбаков - имрагенов к далеким птичьим островам, встреча с знакомым семейством дельфинов, обследование прибрежных дюн и холмов в поисках следов неолитических стоянок. К незапланированной экзотике добавилась песчаная буря в конце пути. В бурой круговерти Хамдину вел машину, не отклоняясь от маршрута даже на несколько метров, я проверял с помощью спутникового навигатора. Меня всегда поражало великолепное чувство пространства у моих мавританских коллег. Вот предыстория появления Алисы в нашем доме.

...Позавчера вечером Хамдину увидел у дюны играющую лисичку. Фенек юркнул в норку, тогда он прикрыл норку мешком, постучал по земле, и глупенькая лисичка выскочила прямо в мешок.

На вопрос Тамары: «Кормили ли зверька?» Хамдину сказал, что насыпал в ящик вареных макарон, и пищи должно было хватить. Потом Хамдину раскланялся и уехал довольный, оставив нас с коробкой и кучей проблем:

Чем кормить лисичку? Как за ней ухаживать и содержать? И вообще, что делать с фенеком и «Красной книгой»?

Но делать нечего, отдавать подарок нельзя еще и просто потому, что Хамдину выпустит лисичку, а здесь вдали от семьи она просто погибнет от голода или от хищников. Я разрезал скоч, и перед нами предстала Принцесса Алиса.

Фенек в последние годы получил еще одно название. Оно связано с именем летчика-писателя Антуана де Сент-Экзюпери. Французы, живущие в северной Африке, зовут ее сахарской лисичкой Сент-Экзюпери. Сент-Экзюпери был летчиком первой коммерческой почтовой линии, возившей почту из Парижа сначала до Дакара через Касабланку, Дахлу, Форт-Этьен (Нуадибу), а потом через океан в Южную Америку.

Лисичка - фенек стала мировой знаменитостью после того как Сент-Экзюпери сел на вынужденную посадку в пустыне и провел там несколько дней, изнемогая от жары, считая каждую каплю воды, ожидая смерти от жажды или от непокорных французам диких племен берберов. Сент-Экзюпери впал в отчаяние, ожидая конца, стал подводить итоги своей жизни и, отрешившись от сиюминутного, проникся своеобразной смертельной красотой и философией окружавшей его

Великой пустыни. И вот в самые трудные и отчаянные минуты появился ЛИС.

ЛИС, который дал возможность выбраться из смертельного одиночества.

ЛИС - толчок и воля к жизни.

ЛИС, который ассоциируется сейчас с культовыми словами: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Любовь маленького любопытного животного дала силы и спасла летчика, а миру подарила Великого писателя - философа Антуана де Сент-Экзюпери. Само проведение пришло летчику на помощь, он сам исправил поломку в своем самолете и прилетел в Форт –Этьен к друзьям, которые его уже похоронили.

Так появился «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ». Появился и остался для нас, жителей этой сумасшедшей планеты «Земля», с нашими миллионами пьяниц, стрелочников, фонарщиков, честолюбцев и королей, синонимом гуманизма. Стал важнее и понятнее многотомных философских трудов. Стал оружием более весомым, чем тяжелый линкор, и давшим силу миллионам людей, боровшимся с фашизмом.

Жизнь идет, мы вернулись в Калининград, но иногда лунным ночам вспоминается Сахара, когда огромная луна стоит точно над головой и видно как днем. Вся пустыня светится белым светом, наверное, в такие ночи хорошо играть у дюны веселой семьей. Мы лишили Алису этой жизни, но она жива, сыта и благополучна, хотя ей, как и нам, наверняка видятся во сне скалы и барханы Великой Пустыни...

3 место и звание лауреата – **Рабинович Иосиф Исаакович**. Родился в 1939 году в Москве. Окончил МФТИ. Поэт, публицист, популяризатор науки, прозаик. Член МОЛ СЛ РФ. Профессор Российской Международной Академии Туризма.

Полёт над бездной

Полярная ночь – она и есть полярная, тьма кромешная. А когда к этому добавляется ураганный ветер, срывающий фонтаны брызг с гребней огромных волн... Ад, при этом покажется домом отдыха. И ведь надо не просто выжить, а ещё и работать. Война – она всегда работа, потому как смерть бывает только раз, а каторжный труд войны, кажется, не имеет конца. Причём флот не пехота – тут вкалывают все от кэпа до матроса практически на равных, особенно когда беда рядом и прямо-таки лезет на борт. И не важно, что это за беда – сильный и умелый враг или семибалльный шторм в Баренцевом море.

Эсминец «Решительный» шёл в охранении конвоя из Англии в Мурманск. Шёл первый год войны. Фронту были нужны и самолёты, и «Виллисы», и танки, да и просто харчи. Всё это и вёз из Англии конвой. Везли на гражданских грузовых судах. Вот уж где служба была – путь долгий, посудины большие и неповоротливые, оружия, считай, нет – пара зенитных пулемётов и жалкая пушонка в лучшем случае. Вся надежда на эскорт – эсминцы и крейсера прикрывают конвой, да ведь не всегда и выходит. Зимой оно конечно лучше – авиации немецкой трудно работать, но подводные лодки лютуют всюю. Что и говорить – подводники у немцев неслабые, вот и приходится шастать вокруг каравана, играть в темноте с фрицем в кошки мышки. Играть не на жизнь, а на смерть – потери с обеих сторон и немалые.

«Решительный» уверенно шёл поперёк волны, то проваливаясь в тёмную пропасть, то взлетая на вершину водяной горы. Напряжение запредельное – надо и курс держать и за морем следить – видимость, правда, слабая: узенький серп месяца едва проглядывает между туч и всё. Конечно, и акустики слушают море, не раздастся ли где звук подводной лодки, как они отличают его среди звуков каравана, один бог ведает.

Старший краснофлотец Саша Булдаков уже сменился с вахты. Впереди был короткий, но всё-таки отдых. Надо было пройти совсем немного по палубе, держась за скобы, и тут... Не заметил Сашка этой волны, огромной злобной. Да и пришла она откуда-то сбоку, пришла и обрушилась на «Решительный». Удар был хлесткий, если вздрогнул и стальной эсминец, то каково пришлось бедному Сашке. Его стукнуло о борт, руки не удержались и волна, подняв беднягу, бросила его в

пучину. Летел он в полном сознании – понимал, что это всё, по такой волне не выплывешь, а в такой воде больше пятнадцати минут не выживешь. Он не сразу понял, что произошло, но тут адская сила снова подняла его, и он с высоты своего ужасного положения увидел родной эсминец, возможно в последний раз. Но случилось то, чего просто не могло случиться – эта вторая волна опустила его снова на палубу, и от удара Сашка потерял сознание. Но уж везёт, так везёт – упал он рядом с матросами, которые подхватили его мокрого и оттащили вниз в кубрик. Парня раздели, согрели под одеялом. Лейтенант доктор осмотрел его. Понял, что кости целы, отлил в кружку маленько спирта для сугреву и сказал: Ну, Булдаков, ты даёшь, таких везунчиков я не видал ещё.

Это вообще выдался спокойный рейс – редкий случай, пришли в Мурманск без хлопот. А в кубрике ещё долго над Сашкой подшучивали, мол, как там на том свете, бога видел?

* * *

Александр Павлович Булдаков, всю жизнь проработавший на судоремонтном заводе в своём родном городке на Волге, доживал свой век на пенсии. Жену, с которой полвека прожил, схоронил, сын и дочка проживали в столицах. Звали они отца к себе, но Палыч не ехал, прикипел он к своему маленькому домику со старыми яблонями в саду, жена Вера была большая любительница по садовой части. Теперь сад зарос, ухаживать некому, но Палыч любил посидеть на лавочке под антоновкой, посмолить сигаретку. Правда, доктор, смотревший его, по программе «Здоровье ветеранов войны», сказал, что курить надо бы бросать, сосуды никуда. Булдаков кивнул, мол, всё ясно, а про себя подумал: И так девятый десяток живу, может одно удовольствие осталось, а помирать то всего один раз, и, улыбнувшись, вспомнил, как летел над «Решительным».

Каждый год 9 мая ему приносили открытку от мэра, несколько красных гвоздик и какую-то снедь. Приглашали как-то раз в школу, но он не пошёл, что рассказывать, воевал как все, да и ранений серьёзных не имею даже. Но тут, как 60 лет победы исполнилось, пришла к нему девчонка из городской газеты, попросила рассказать про войну. Хорошая такая девчонка, видно не вертихвостка, глаза добрые и разговаривала уважительно.

- Александр Павлович, расскажите о войне, вы ж моряком были, на севере воевали всю войну?

- Ну что сказать тебе доча? Война хреновая штука. Грязь, кровь, страдания и смерть. Война вроде работы, которую ты не выбирал, сама она тебя выбрала. Сколько народу погибло, а сколько здоровье потеряло. И на фронте, и в тылу... В тылу подчас есть нечего было – пухли люди от голода, вот у Веры моей покойницы, пальцы до смерти были опухшие, это всё война. Мне вот повезло – всего разок осколком задело, а так пришёл целенький. А ровесников моих, и кто постарше, сколько полегло и на суше и на море.

- Александр Павлович, ну вспомните, какой ни будь памятный вам эпизод войны?

- Памятный, говоришь? Так я уже раз почти погиб, считай с того света вернулся.

- Ой, расскажите, это же очень интересно!

И Палыч рассказал о той волне и как он увидел свой корабль с небес и как вернулся с небес на палубу. Девчонка торопливо записывала на маленький диктофончик его рассказ. Потом поблагодарила, попрощалась, пообещав принести газету с интервью.

Но миновало 9 мая, на этот раз стариков собрали в доме культуры, открытки, гвоздики и подарки вручали там. Но девчонки и след простыл. Палыч даже сходил в киоск и пару раз купил газету – перед праздником и после. Но никакого интервью с собой не нашёл. Там были, кстати, рассказы

других ветеранов, рассказы о боях, о ранениях. Старик не особо расстроился, а вскоре и вовсе позабыл об этом. И невдомёк ему было, какая беседа состоялась в кабинете редактора газеты, когда литсотрудник, Аня Коваленко принесла ему готовое интервью.

- Ты что Аня, нельзя быть такой доверчивой, старик наплёл небылицы, а ты уши развесила. Такое напечатаешь, скажут – вот журналистка нафантазировала вместе с дедом, выжившим из ума! Ну, голову то на плечах надо иметь, Коваленко, учись мыслить критически.

- Георгий Викторович, да он такой хороший дед - то, думаю, нет, уверена, что он правду рассказал.

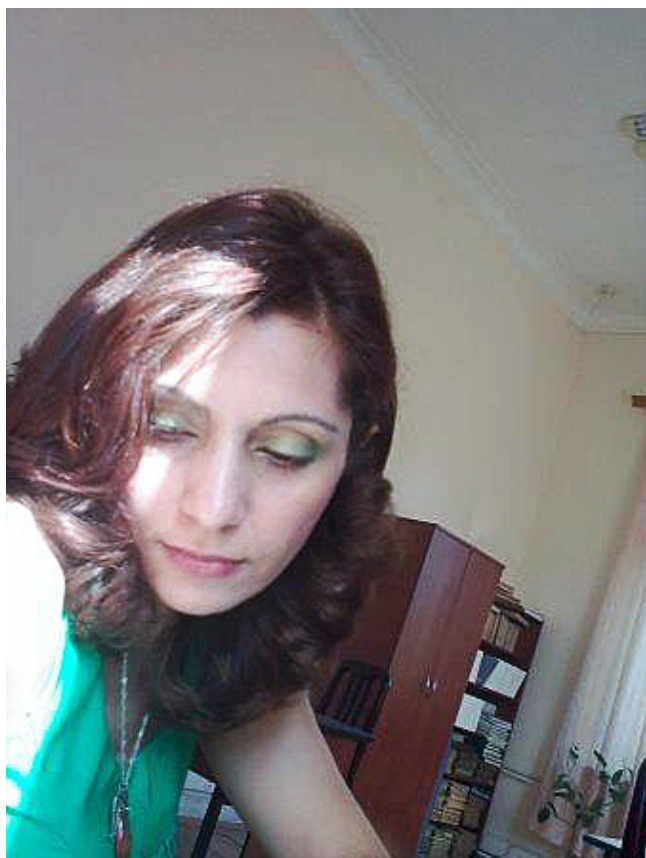
- Ладно, не пори чуши, иди, работай!

* * *

Чудесную историю о полёте Саши Булдакова рассказал мне мой знакомый – капитан первого ранга, ветеран полярных конвоев, старшим лейтенантом командовавший «Решительным» и многое о конвоях мы узнали от него пока готовились к экспедиции к месту гибели конвоя QR-13. Он, в свои девяносто пять сохранил трезвый ум и прекрасную память. История настолько увлекла меня, что я узнал через архив в Подольске о послевоенной судьбе бывшего старшего краснофлотца. И поехал к нему на родину, но, увы, не застал уже. Везунчик Сашка умер на 88-м году жизни. Зашёл я и в газету, где случай свёл меня с Аней Ковалёвой. Она поведала мне грустную историю про интервью, а когда я ей клятвенно подтвердил слова Палыча и предложил поговорить с редактором, она по-детски заплакала. Такая вот добрая девочка.

Звание дипломанта – **Багирова Ляман Сархадовна**. Родилась в Баку. Живёт и работает там же. Филолог-русист. Заведующая сектором новых книг в отделе Национальной Библиографии Национальной Библиотеки Азербайджана.

Член СП Азербайджана и Российского Союза Писателей.

Кавказский Данко

*Если я гореть не буду...
- Кто же здесь прогонит тьму?
Назым Хикмет*

Педагог, просветитель, врач, писатель, государственный деятель – и просто человек с добрым и совестливым сердцем, проживший всего 55 лет и уверенно шагнувший в бессмертие. Не стремясь к этому, просто выполняя то, что считал долгом для себя.

Признаюсь, я с трепетом приступала к написанию этого эссе. Слишком велика и многосторонняя личность доктора Нариманова, объившая столь различные области человеческой деятельности. Мне бы хотелось рассказать о нем в первую очередь как о человеке, искренне радеющим за свой народ. И сделать это лучше всего, опираясь на рассказ о нем любящих и родных людей.

Именно таким человеком для меня оказалась Кямиля-ханум Гусейнова, внучатая племянница Наримана Нариманова, хранительница его дома-музея в Баку, куда я направилась в праздничные дни Новруз-байрама.

Посетителей в музее не было. Может, и к лучшему. Никогда при большом скоплении народа не напитаться особым очарованием музеев, не проникнуться их духом.

И сама хранительница музея выглядела не просто штатным сотрудником. Внутренняя одухотворенность пронизывала ее существо. Передо мной была Маленькая Хозяйка Большого Дома, беззаветно преданная памяти своего великого двоюродного прадеда.

Четыре комнаты в старинном убранстве... Стены увешаны бесконечными фотографиями. Первый стенд, повествующий о том, что 2 апреля 1870 года (14 - по новому стилю) в Тифлисе, неподалеку от местечка Шейтан базары в семье мелкого торговца Кербалаи Наджафа родился восьмой ребенок, мальчик Нариман.

- Нет,- мягко улыбается Кямиля-ханум, глядя на мое удивленное лицо, при чтении автобиографии Нариманова, написанной изящным, убористым почерком, – «Мои родители были людьми несостоятельными», - это не совсем так.

Вот, посмотрите, макет дома в Тифлисе, где родился Нариманов. Роскошное по тем временам, трехэтажное строение, выстроенное еще дедом Наримана Аллахверди-беком для всей семьи. Обратите внимание на одеяние сестер Нариманова на фотографиях. Кокетливые расшитые шапочки-динье, богатые кружева из-под них. Это говорит о том, что семью нельзя было назвать очень бедной. Более того, отец Нариманова носил приставку к имени - Кербалаи, то есть совершил паломничество к святым местам в город Кербелу. А совершить паломничество мог позволить себе мало-мальски обеспеченный человек. Но, самое главное было в том, что детей воспитывали в уважении к труду и ответственности друг за друга. И эта закалка помогла Нариману, когда он, после смерти отца, стал кормильцем огромной семьи. А, то, что в биографии так написано... Ну ведь вы же знаете, что в те времена происхождению уделялось особое внимание, и преимущество имели дети крестьян и рабочих, или несостоятельных людей. Дворянское происхождение старались особо не афишировать. Это же относилось к духовенству и зажиточному купечеству. Но дай Бог каждому выходцу из простого трудового народа столько сделать для своего народа, сколько сделал этот потомок бека, дворянин! Как он был популярен в СССР, стране, которую он большевик с 1905 года и создал, он ведь был наркомом иностранных дел. Родился в один год с Лениным, а пережил его только на один год - отдал своё сердце за счастье народа в 1925.

Еще до смерти отца Нариманов закончил Закавказскую учительскую семинарию. Тогда давали очень широкую подготовку, не только теоретическую, но и практическую. Но продолжить образование не удалось, надо было содержать семью. Он устроился на работу в селение Кызыл-Аджали, которое находилось в Борчалинском уезде Тифлисской губернии, и был подлинным лучом света в этом царстве невежества. В те времена обстановка была очень тяжелой, местное население предпочитало не отдавать своих детей на учебу, и поэтому Нариманов смог пробыть здесь всего год. Свои впечатления от работы в этом селении писатель впоследствии отразил в пьесе «Невежество», которая явилась его первым драматическим произведением.

Я смотрела на фотографии, на документы, слушала льющуюся речь Маленькой Хозяйки Большого Дома, и меня охватывало благоговение.

Только вдумайтесь, вникните, дорогие мои читатели: человек, на руках которого огромное семейство - старуха мать, семья старшего брата, которому надо помогать, сестры, которых надо выдать замуж, работает в селе учителем татарского (азербайджанского) языка в русско-татарской школе. И не просто учительствует, а является наставником, - а, думаю, в те годы, в это понятие вкладывалось больше духовного смысла, нежели сейчас, составляет самоучитель татарского (азербайджанского) языка, морфологию и синтаксис тюркских языков, первые прописи на азербайджанском языке и пишет литературные произведения! Непостижимо, как это мог сделать один человек!

1 августа 1894 года открывает первую в Азербайджане общедоступную библиотеку-читальню с литературой на родном языке, превратившуюся в просветительский центр для мусульманского населения всего Кавказа. Первым азербайджанским библиотекарем стал ближайший помощник и воспитанник Нариманова — учитель Алискендер Джафарзаде. В народе эта библиотека получила название «Нариманова читальня».

Против деятельности читальни выступило духовенство. Нариман Нариманова обвинили в развращении сознания молодёжи, а сама библиотека была закрыта правительством 5 октября 1898 года «за вредное направление».

... Я переходила из комнаты в комнату, слушала мерный, мягкий голос Кямили-ханум, растворявшийся в высоких стенах, гладила рукой старинные вещи, продуманные с такой любовью и заботой. И мне казалось, что сейчас музейная тишина разобьётся, наполнится мелодичным женским и детским смехом; янтарным светом вспыхнут домашние варенья в вазочках, заботливо расставленных супругой Наримана на плюшевой скатерти, и проеме двери появится силуэт Хозяина, и глаза его, внимательные и уставшие, остановятся на мне...

- Это гостиная – пригласила Кямиля-ханум в самую большую комнату. Именно здесь и состоялась свадьба 44-летнего Наримана с 15-летней Гюльсум-ханум Мир-Кязимкызы. Разница в возрасте была в 29 лет, но, глядя на фото, этого никогда не скажешь. Гюльсум-ханум искренне любила своего Наримана и оказалась героической женщиной. Потеряв мужа, а затем и сына, не сломилась, не замкнулась в своем горе, а до конца жизни помогала людям, вела активную общественную работу.

- Вот это рабочий кабинет Нариманова, - продолжает Маленькая Хозяйка Большого Дома. - Здесь доктор Нариманов принимал пациентов. Вы только подумайте: человек, уже ставший уважаемым педагогом, просветителем, (был награжден орденом Святого Станислава III степени, а также бронзовой медалью); литератором, автором знаменитой исторической драмы «Надир-шах», пьесы «Шамдан-бек» и глубоко лиричного и философского романа «Бахадур и Сона», многих острых критико-публицистических статей, учебников, пособий; человек, переведший на азербайджанский язык гоголевского «Ревизора», последующая постановка которого с Наримановым в роли Городничего произвела фурор, эффект разорвавшейся бомбы, настолько все это было близко азербайджанской действительности; человек, обремененный многочисленными родственниками, - уезжает в Одессу, где поступает на естественный факультет Одесского университета, чтобы выучиться на врача и приносить пользу народу!!!

- Ну, скажите по правде, - с волнением и гордостью в голосе говорит Кямиля-ханум, вы много видели врачей, которые по любому вызову больных, в любую погоду ездили с визитами и еще оставляли деньги под рецептами, чтобы больной имел возможность купить лекарства или еду?!

Да, он был врач широкого профиля, ведь тогда существовало само понятие: «земский доктор». Такой доктор должен был уметь все. Вот, посмотрите, тут его гинекологические инструменты: сколько женщинам он спас жизнь, сколько новых душ принял в этот мир. Это инструменты и книги по офтальмологии, хирургии. Ему верили, иначе как Доктор Нариман не называли.

- Кямиля-ханум, - осторожно интересуюсь я, - а, правда, что на похоронах Нариманова не присутствовал ни один представитель от Азербайджана?

- Да, к сожалению, это так. Нариман Нариманов, скончавшийся в неполные 55 лет при невыясненных обстоятельствах (официальная версия – разрыв сердца) является по сегодняшний день единственным азербайджанцем, похороненным у Кремлевской стены. Но, знаете, любовь народа к нему была так велика, что услышав о его смерти, простые люди во всем Азербайджане 40 дней держали траур по своему Доктору Нариману.

- Существовали версии о том, что его отравили, - замечаю я.

- Вы знаете, это не установлено. Подобные слухи ходили о многих соратниках В.И.Ленина.

Окончательное заключение: разрыв сердца, не спровоцированный никакими внешними воздействиями. Да и под силу ли человеку такая многолетняя изматывающая нагрузка?

- Нариманов был врачом, он оценивал свое состояние лучше чем кто-либо другой. И возможно, поэтому, выступая в начале 1925 года в Тифлисе, в «Клубе Наримана», который построили живущие в Грузии азербайджанцы, он обратился к ним со словами: «Учите своих детей, мусульмане! Учите! Я сделал все, что мог. Я одной ногой уже стою в могиле. Но вам говорю – учите своих детей, чтобы они были не хуже других народов. Не дайте им погрязнуть во мраке невежества. Всю жизнь я радел за то, чтобы мой народ жил достойной, светлой жизнью.

- Ведь эти слова, по сути являются завещанием Нариманова, горьким и тревожным обращением его к будущему.

Кямиля-ханум умолкает, погруженная в свои раздумья. Молчу и я. Знакомство с домом-музеем Наримана Нариманова подходит к концу...

Да, о многом можно было бы еще сказать. Но, пожалуй, лучше, точнее и пронзительнее всего это сделал сам Нариман Наджаф оглы Нариманов в своем предсмертном письме к пятилетнему сыну. Оно является подлинным манифестом не только благородного человека, но гражданина своего Отечества. Вот некоторые выдержки из этого письма:

Дорогой сын! Если изучишь мою жизнь, то убедишься, что я, по крайней мере, до 1925 года жил для других. А дальше? Дальше так же будет продолжаться, т.к. лишь в такой общественной работе я нахожу удовлетворение, тем более, что нынешний строй в России более всего подходит моему духовному миру.

Я вообще против порабощения человека человеком. Я всеми фибрами души против рабства, где бы это ни было. Я искал этих путей для скорого освобождения человечества от невежества и, следовательно, от рабства.

Я был соц.демократом, но эта организация все более и более отдаляется от идеала. Я принял программу большевиков с особенным удовольствием, так как в ней я видел и вижу скорое осуществление моей именно программы: уничтожить рабство на земле.

Быть может, ты прочтешь эти строки, когда и большевизма не будет. Но это не значит, что большевизм не годится: это будет означать, что мы не сумели его удержать, мы недостаточно оценили его, мы плохо взялись за дело. Откровеннее сказать; мы настолько стали надменными от власти, что, занимаясь пустяками, дрязгами, упустили главное из рук.

Власть портит многих. Так и случилось: власть окончательно испортила многих довольно хороших видных работников, которые решились взять судьбу огромного государства в свои руки и диктаторствовать безответно... Это необходимо было в первое время, но продолжать такое состояние до сих пор, это значило приблизить большевизм к краху.

Москва, 28 января 1925 г.

Письмо осталось незаконченным. 19 марта 1925 года сердце героя не выдержало... Его единственный сын Наджаф, как и многие верные сыны Кавказа героически погиб 19 сентября 1943 года.

Это предсмертное письмо-завещание Нариманова сыну попало в архив и было полностью опубликовано лишь в 1988 году.

Я очень далекий от какой бы то ни было религии человек. Но в данном случае, искренно от всего сердца говорю: «Пусть Аллах будет милостив к тебе, Неистовый Нариман, и упокоит твое сердце в селениях праведных. Сердце, которое ты так щедро отдавал людям, радея за них...»

Аминь.

Звание дипломанта – **Бобылев Дмитрий Викторович**. Родился в 1987 году в г. Серове. Окончил филологический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, степень магистра. Живет в Санкт-Петербурге. Поэт, писатель, художник, председатель жюри всероссийского фестиваля интересной поэзии «Собака Керуака».

Ксякся

Пуше нельзя на улицу: «сороки унесут». Котенок бегают только по хате и чердаку. Вечерами они с кошкой Мурой резвятся на чердаке, и в хате слышен их дробный топот.

– Строились в середине деревни, а теперь воде оказались – крайняя хата, – сетует баба Нина. Ныне за хатой – луг и лес; покинутые дома разобраны на дрова или перевезены в деревни покрупнее. Даже разбитый большак, вместо ремонта густо засыпанный песком, и тот проходит через соседнюю деревню Пухново, а от Пухнова до Размахина – еще пара верст по грунтовой, сплошь песчаной, дороге.

В Размахине семь домов с огромными заросшими, превратившимися в луга, огородами. Заборов почти нет: раньше стояли, когда по дороге гоняли стадо, и коровы забредали на огороды, – а теперь забредать некому. На пригорке – бездействующая водонапорная башня, у основания до половины надрезанная автогенном. На соседнем пригорке, где теперь покос для последних четырех коров, до сих пор видны неглубокие ямы – следы немецких укреплений. Немцы окопали здесь пулеметы, когда заняли деревню.

– Приехали на маленьких грузовичках, – вспоминает баба Нина. – А в кузовах – из соседних деревень – и старые, и малые, и немцы. Я уж потом поняла: это чтоб наши в них не стреляли, немцы в кузове звали колхозников прокатиться. В своих-то наши заботятся попасть. У нас четыре девки влезли, да потом, за кустами-то, – не знали, как выбираться, когда немцы их в кусты потащили. Поганники такие. Не могу кино про войну смотреть, Петька включит – всегда отворачиваюсь. – Баба Нина прожила в местных деревнях всю жизнь. Говорит, что самое легкое время – нынешнее: можно даже купить конфеты.

В самом Размахине конфет не продают: на девять деревень, в которых мы побывали, магазин лишь один – в Пухнове. По деревням колесит автолавка, в которой водитель – он же и продавец. В каждой деревне появляется раз в неделю:

– Объехал в понедельник одиннадцать деревень, сегодня – шестая...

Баба Нина договорилась, чтобы лавка подъезжала прямо к ее дому: до Манёва, где фургончик «Газель» делает остановку, идти уже трудно. Деревня Манёво – в пятистах метрах через луг по заросшей дороге.

В Манёве живет другая баба Нина. Впустив нас, удивляется:

– Как это вы прошли к нам мимо пчельника, не покусали вас? Утром-то смотрю в окошко – там Романи́ха! От пчел удирает – ползком, по траве, руками машет! Потом голову в ручей окунула и пчел из волос вытряхивает. Стучалась к нам, да я не открыла, взяла грех на душу: она как войдет – не выгонишь. Пьет, почернела вся...

– Ксякся, – говорит про пчел трехлетняя Соня. «Кусачая», значит. Прошлым летом Соню укусила оса, и с тех пор всех кусачих летунов мы называем «ксяксями».

На пути в Бренёво, что за Манёвым, берем Соню на руки: после первых же двух домов дорога превращается в луг, и ее очертания узнаются лишь по просвету между кустами. Трава по пояс сырая, и в ней, говорят, – змеи. Из зеленого моря – с желтыми разводами лютиков и белыми –

одуванчиков, – у заброшенных хат и сараев виднеются только крыши. Где к ним вели тропинки – угадать нельзя. Оставил девчонок под старой березой, к хате пошел один.

Доски пола и потолка сняты, посреди горницы – нетронутая белая печь, на ней стоит эмалированная миска. На стене висят штаны и березовый веник. Из кучи соломы, нападавшей с чердака, поднял серую от пыли армейскую фуражку. Оглянулся, повесил на гвоздь. Стало печально.

В раскрытое окно влетели две ласточки; увидев меня, заметались с свистом по хате. Одна стала биться в другое окно, закрытое. Взял ее осторожно – не бойся, птичка, девочкам покажу. Нагнал их на обратной дороге уже за деревней.

– У меня для тебя подарок, – говорю Кате. И достаю птицу из-за спины. Птица не вырывается, не пищит, только головой вертит.

– Отпусти ее! – кричит Соня. Отпускаю. Птица шустро летит над дорогой на высоте люпинов и через несколько метров, поверив в свободу, взмывает ввысь.

Хорошо бы дойти до заброшенной деревни Орехново, но на завтра целый день дождь.

Сидим за столом, в честь нашего приезда выдвинутым на середину комнаты, и чашка за чашкой пьем чай. Баба Нина – Катина бабушка и Сонина прабабушка – вспоминает войну.

– Немец едет на лисапедe мимо хаты, а у меня последняя курица, серая, ходит вдоль дороги. Авбй, увидит же, застрелит! Только он – к ней, а курочка, умница, под крылѐц убѐгла! Он мне показывает: доставай, мол, лезь! Я залезла, а так жалко мне ее, последнюю курицу, говорю: нет ее здесь, не вижу! Он и уехал, а курица моя серая тогда из-под крыльца и вылезла.

А соседи в сарае два мешка зерна закопали, доски постлали сверху. А немцы-то туда лошадей поставили, сделали там конюшню. Лошади зерно-то всё и попортили: лошади ведь.

А в колхозном хлеву пленные были, а у нас парень был такой ученый, из города, вот он им стал еду носить. Там окошко было в двери – как вбде, для кошки... Немцы-то его поймали и выпороли кнутом! – Временами глаза бабушки наполняются слезами, на ее мудром лице это кажется столь неуместным, что я не знаю, как себя вести, и просто молчу.

– Повадился немец один к нашей девке бриться ходить. Она ему воды нагреет, поставит, а сама идет к соседке: страшно, и в окно смотрит, когда он уйдѐт. И смотрит раз, а он с голым торсом да в сапожищах по ее огурцам топчется – по грядке с огурцами! Авбй! Она как выскочила, лесину из забора выдернула, да по голой спине его и перепоясала, лесина аж переломилась! И убѐгла. У немца коли был бы пистолет – убил бы, а не было под рукой, так ей и ничего.

Авбй, поганники! Но не все были плохие, всякие были. В Мельницу как-то раз пришли двое за молоком, по одежке видать – начальники. Я свою сестренку больную Маню снесла тогда на крылѐц... А начальник увидал, показывает руками: разверни, мол. Развернула, чем там ножка была замотана, а она уж пахнет. Немец показывает опять: «вытри». Я вытерла, а немец достал из кармана – вбде, на груди – бинт с розовой такой присыпкой, перевязал ножку, и бинт Мане отдал. И руками показывает: у него самого дома таких трое. И молока взяли трбхи, литра два всего.

– Многие вернулись с войны?

– Авбй! Никто не вернулся. У нас в Размахине никто. В Бренѐве один пришел, безногий. А в Манѐве, авбй! У него четыре сына на фронте, а батька подался в полицаи! Встретил он наших

мужиков в лесу, насобирал четыре человека: «я вас к партизанам сведу», – а сам к немцам свел. Убег потом в Орехново, когда немцы ушли, а его там поймали и отправили в лагерь на десять лет. Он ничего, отсидел, вернулся. А наши-то ребята увидели его, привязали к березе и говорят: «Куда нашего батьку дел?» Я уж еле их удержала, увидела: он свои десять лет отсидел, вы уж его отпустите! Уговорила. Он потом никогда по Размахину не ходил, в Манёво по дуге пробирался.

Слушаем, подливая чай. Неловко задев, опрокидываю чашку, чай течет по столу на пол.

– Ты пролил чай, – отмечает Соня.

– Это не я, это Пуша.

– Ты пролил, я видела!

– Все равно Пуша.

– Надо картошку бороновать, а куда по такому дождю бороновать будешь? Уже прорастает, а еще не бороновали, – появляется из сеней Петр Михалыч. – Мамуля вас все сказочками развлекает? – у Петра Михалыча прищур, усы и военные штаны. – А в том-то году, мамуль, скажи, ежи к нам повадились: лезуть к собаке, под будкой зароятся, а собака с ума сходить, лаить и день, и ночь. Отроешь ежа, за лапу его вышвырнешь в поле, а он через полчаса опять тут. Дима, ты возьми лодку, если погода будет, хоть девок по озеру покатаешь. – Свернув самокрутку из листка отрывного календаря, Петр Михалыч уходит курить на крылец.

...Сразу за Бренёвым – густые, высокие заросли люпинов, мятлика, ёжи... Ногами можно нащупать остатки колеи, а ведет нас навигатор, указывающий тропы, которых на самом деле нет. Набреедем на мост, провалившийся во многих местах, похожий на груды бревен. Проехать по нему нельзя, пройти – с осторожностью. Речушка заросла осокой и кувшинками.

– Смотрите! Листья, на которых любят сидеть лягушки! – восклицает Соня. Всю дорогу несу ее на руках, потому что трава выше Сони. Катя просит ее говорить потише: боится, что услышат медведи. Орехново – за мостом.

Вокруг домов – густые заросли сирени, малины, шиповника... Засохшая яблоня раскорячилась на поляне, часть которой раньше была дорогой. Дома открыты, перекошены, жалки. В крайнем доме, в прихожей, на полу – газета «На страже Родины» 1967 года. Жаль, нет кнопок повесить на стену. Кладу газету в сундук без дна. Думаю, что это может быть последний экземпляр номера в мире. Хочется сохранить этот уголок Псковщины – мне жаль и рассыпающиеся серые домики, и старух, вынесших на плечах тяготы, о которых мы знаем лишь из учебников истории...

За Орехновым должно быть Хребтово – деревня, покинутая еще раньше. За околицей – ручей, грязь, земля взрыта грузовиками – может быть, лесовозами? Наломав веток, сооружаю гать, и мы перебираемся в Хребтово. Ручей, по воспоминаниям Кати, протекавший вдоль леса, превратился в большое болото, из которого торчат засохшие березы. В середине деревни болото поглотило и дорогу, отрезав от нас остальные домики Хребтова, а также Мельницу и деревни дальше, отмеченные в «Гугл-картах», но погибшие лет двадцать, тридцать назад... Вехи бетонных столбов без следов проводов теряются по ту сторону болота.

– А ведь какие большие деревни были! – охает баба Нина, слушая рассказ о нашем походе. Поздно, за окошками темнота и стаи «ксяксь». – Мельница была, сыроварня, фермы по сто коров! Авой, а кто это мне тут нарисовал? – спохватившись, бабушка склоняется над табуреткой. На пластике – каракули зеленым фломастером. – Это Соня бабушке на память нарисовала?

– Это Пуша, – отвечает Соня. – Пуша бегала тут и нарисовала.

Внезапно с улицы доносятся дикие крики: «Мамуля! Мамуля!» – и что-то еще неразборчиво, будто кого-то убивают. Мы с бабушкой выскакиваем из хаты. В огороде беснуется лошадь, пытаюсь вырваться, а Петр Михалыч из последних сил удерживает ее за узду.

– Мамуля! Быстрее! Дихлофос неси!

Становится понятно, что лошадь в бешенстве из-за туч комаров и оттого, что не любит пьяных. Бабушка убегает в хату, возвращается с дихлофосом и начинает опрыскивать лошадь. В темноте они пытаются впрячь кобылу в борону, но что-то не так с хомутом, и бабушка кричит:

– Брось, Петька, брось ее, пушай домой скачет! – вырвавшись, лошадь замирает на миг и, выбрав направление, рысью летит к ограде – Петр Михалыч успевает распахнуть калитку уже перед ее мордой. Тучи комаров гудят над уснувшим садом, и мы спешим в хату...

По дороге из Пухнова солнце палит нещадно. Идем из магазина: сметану купить не успели, очередь собирается еще перед привозом и раскупает все мало-мальски нужное. Летают слепни и шеряки, Соня поминутно пытается снять панамку, а стянув, крутится на месте, пытаюсь ее найти: панамка на завязках болтается сзади.

Соня роняет мячик, он укатывается в траву. Соня растерянно разводит ручками: в траву она не хочет, в траве водятся разные «ксяксы».

– А еще бабушка меня научила в слепней втыкать метелки от травы, чтобы они летали с метелками! Только слепней трудно поймать.

– Ай! Вот только попади по нам! – уворачивается Катя, Соня смеется и отбегает, пяясь, и вдруг за девчонками вижу змею. Серая гадюка переползает дорогу метрах в трех, приподняв голову и негромко шипя на нас. От неожиданности забываю слово «змея», и только тычу руками за спины девочек, как Соня над мячиком. Почти приблизившись к гадюке, Катя наконец замечает мои знаки, и все замираем, пока тварь уползает в борщевики.

– И как ты ее увидел?! Только что не было никого...

В сенях полумрак, немного света проникает сквозь проем двери и люк в потолке, всегда открытый. Тихо. Не слышать ни бабушки, прилегшей за печкой, ни Петра Михалыча, уехавшего с нетрезвыми мужиками в соседнюю деревню. Только стаи комаров гудят над крыльцом. Маленькая Пуша неслышно подходит к приставной лестнице, задними лапками встает на нижнюю перекладину и передними подтягивается до второй, а со второй – до третьей. Несколько раз измерив своим тельцем высоту лестницы, исчезает в квадрате люка. Сквозь отверстие видно, как на чердаке висят березовый веник и чьи-то штаны.

Добавить комментарий

Комментарии